

ПЕТЕРБУРГ ГОТОВИТСЯ К ПЕРЕГОВОРАМ С РИМОМ: РАБОТА СЕКРЕТНОГО КАТОЛИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

Серова Ольга Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: serova.olga.vas@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается подготовка российского правительства к переговорам с Ватиканом, которые стали первым шагом на долгом и трудном пути восстановления дипломатических отношений после их разрыва в 1866 г.

В основе ее лежит материал заседания специального Секретного католического комитета, созданного для решения вопроса о том, вступать ли в переговоры, какими им быть, должны ли они касаться всей совокупности отношений с папским правительством или только вопроса о назначении епископов на вакантные кафедры, какой позиции придерживаться в ходе переговоров.

Наряду с рассмотрением этого вопроса в ходе обсуждения высказывались мнения о самом характере отношений, критические замечания в адрес российской политики в этом вопросе. Среди участников заседания выявились глубокие расхождения в оценке принимавшихся правительством конкретных мер, положения католической Церкви в России, состояния отношений с Ватиканом.

О тщательности подготовки заседания свидетельствует собранный обширный материал от всех непосредственно заинтересованных в решении этого вопроса сторон: документы министерств иностранных и внутренних дел, а также переписка Горчакова с Капнистом, Бергом, наместником Царства Польского и записка Муханова, заведующего Управлением духовными делами иностранных исповеданий в Царстве Польском.

Ключевые слова: дипломатические отношения, католическая Церковь, римско-католическое исповедание, епископ, епископ-суффраган.

O. V. Serova

Preparations of Saint Petersburg for Talks with Rome: the Work of the Secret Catholic Committee

Olga Serova, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: serova.olga.vas@yandex.ru

Abstract. The article highlights the preparations of the Russian government for negotiations with the Holy See, which will be the first step on a long and difficult path of restoring diplomatic relations after their rupture in 1866. It is based on the materials of a meeting of a special Secret Catholic Committee convened to decide whether to enter into negotiations, what they should be, whether they should concern the totality of relations with the Papal government or only the question of the appointment of bishops to vacant sees, what position to adhere to in the course of the negotiations. Along with the consideration of these questions, during the discussion opinions were expressed about the nature of relations with the Holy See, and critical remarks were aired about Russian policy in this matter. There

were fundamental differences among the participants of the meeting as to the assessment of the concrete measures taken by the government, the position of the Catholic Church in Russia, and the state of relations with the Holy See. That great care was taken regarding the preparations for the meeting is clear from the extensive material received from all parties directly interested in this issue: the Ministries of Foreign and Internal Affairs, as well as Gorchakov's correspondence with Kapnist, the Viceroy of the Kingdom of Poland von Berg, and a note from the head of the Board for Spiritual Affairs of Foreign Confessions in the Kingdom of Poland Mukhanov.

Keywords: diplomatic relationships, Ministry of the Interior, Ministry of Foreign Affairs, Roman Court, Catholic Church, Roman Catholicism, Bishop, Suffragan Bishop.

В складывавшихся на протяжении всего XIX в. крайне трудно дипломатических отношениях России с Ватиканом в марте 1866 г. произошел полный разрыв. Поводом послужил беспрецедентный случай, имевший место в конце 1865 г., когда состоявшаяся 27 декабря беседа российского поверенного в делах Ф. К. Мейендорфа с папой Пием IX закончилась требованием понтифика, чтобы тот покинул его.

Реакцию Александра II на случившееся зафиксировала его помета на донесении дипломата об этом. «После этой резкой, неописуемой (здесь и далее подчеркнуто в тексте. — О. С.) выходки прикажите Мейендорфу, — писал он министру иностранных дел А. М. Горчакову, — до нового указания прекратить всякие официальные отношения с папой»¹. После отъезда в отпуск Мейендорф в Рим не вернулся, его заместил младший секретарь миссии П. А. Капнист в качестве частного лица и простого хранителя архива миссии.

Между тем 30 января 1866 г. государственный секретарь Джакомо Антонелли направил российскому правительству официальную памятную записку, в которой, в частности, выражалась надежда, что император не поставит папу перед необходимостью оповестить весь мир о гонениях, претерпеваемых католической Церковью в Российской империи и Царстве Польском. На эту угрозу из Петербурга ответили, что император «не питает в душе ни малейшего желания притеснять католическую Церковь. Мы совершенно спокойно будем ожидать ее исполнения»². Примечательно, что ни одна из сторон не признавала за собой ни инициативы, ни вины за разрыв, но обе быстро осознали заинтересованность в восстановлении отношений, которое произошло лишь через 28 лет, в 1894 г.

Как следует из записки Горчакова Александру II от 16 (28) марта 1866 г., он сразу поднял вопрос о необходимости искать выход из создавшейся ситуации. Глава русской дипломатии пояснил, что «поскольку разрыв с Римским Двором не столь простая вещь, каковой был бы разрыв с чисто светской державой, должна быть обязательно согласована серия мер, чтобы регулировать, хотя бы лишь временно, общие и частные религиозные интересы, которые подлежали бы решению Святейшего Престола». А на обращенный к императору вопрос, находил ли он срочным рассмотрение компетентными властями мер, которые были бы последствием этого разрыва, Александр II дал положительный ответ³.

В Петербурге сочли необходимым в целом пересмотреть существовавшую систему отношений с Римом. Начали с заключенного 22 июля (3 августа) 1847 г. конкордата — первого письменного и формального соглашения между двумя дворами, наличие которого положительно сказывалось на их отношениях⁴. 22 ноября (4 декабря) 1866 г. он

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ф. Канцелярия, 1865, оп. 469, д. 153, л. 404.

² Там же, ф. Ватикан, оп. 890, д. 1, л. 15–16.

³ Там же, ф. Канцелярия, 1866, оп. 469, д. 66, л. 38.

⁴ Там же, ф. Наместник Царства Польского, 1866, оп. 576, д. 2263, л. 58.

был отменен указом императора. На Ватикан этот акт произвел глубокое впечатление: до той поры происшедшее между двумя кабинетами воспринималось здесь как преходящая дипломатическая ссора, которая не влекла за собой отмены конкордата. С этой точки зрения римская курия рассматривала указ, как первый шаг, предпринятый правительством с целью порвать навсегда связи, соединяющие польское католическое духовенство со Св. Престолом. «Россия хочет совершить новый административный раскол в католичестве, создав в Польше национальную Церковь!» Таков вкратце вывод, который правительство Св. Престола делает из содержащихся в вышеупомянутом указе положений», — сообщал Капнист⁵.

Этому важному шагу российской стороны предшествовало осуждение ее политики в отношении католической Церкви в Польше папой в речи при открытии заседания консистории 29 октября 1866 г. Не удовлетворившись этим, 15 ноября 1866 г. папское правительство опубликовало обширный сборник о гонениях на латинскую Церковь в России вообще и Царстве Польском в частности⁶, явно предназначенный для оправдания его позиции. На появление сборника российское правительство среди прочего ответило циркуляром за подписью Горчакова российским представителям за границей от 7 (19) января 1867 г., сопровождавшимся «Краткой исторической справкой об актах Святого Престола, которые привели к разрыву отношений между Святым Престолом и императорским правительством и отмене Конкордата 1847 г.»

Последующее развитие событий показало, что серьезность последствий от разрыва хорошо осознавали не только в Петербурге, но и в Риме, что курия вскоре дала понять. Первоначально там рассчитывали начать диалог между нунцием в Париже Флавио Киджи и российским послом А. Ф. Будбергом⁷, но затем этот план изменился. Было решено воспользоваться посещением Александром II Всемирной выставки в Париже. Происшедшее там покушение поляка А. И. Березовского на императора дало повод еще и для поздравления от имени Пия IX по случаю того, что царь избежал гибели.

Однако итог встречи Киджи с Александром II и Горчаковым не просто разочаровал, но серьезно обеспокоил Св. Престол, поскольку они уведомили нунция о плане передачи существовавшей в Петербурге Духовной коллегии сообщения между Св. Престолом и епископами⁸, указ о чем был подписан 10 (22) мая.

В Риме пришли к выводу, что император готовится создать совершенно новое положение в управлении католической Церковью Империи и Царства Польского и отклонял возможность всякой предварительной договоренности по этому поводу. Конгрегация чрезвычайных духовных дел осудила постановление от 10 (22) мая и обязала епископов не оказывать поддержку деятельности Коллегии, не подчиняться ей и приостановить выполнение функций, принятых ею на себя без согласия Св. Престола⁹.

Изменение порядка сношений духовенства со Св. Престолом по вопросам, требующим решения папой, состояло в следующем. Прежде это делалось через министерство внутренних дел. Отныне представления римско-католических епископов

⁵ Российский государственный исторический архив, ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, оп. 138, д. 23, л. 75.

⁶ Esposizione documentata sulla costante cura di somma pontefice Pio IX a riparo di male che soffre la chiesa cattolica nei domini di Russia e Polonia. Roma, 1866.

⁷ Boudou A. Le Saint Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au XIX siècle, t. II. Paris, 1922, p. 299–300.

⁸ Archivio Segreto Vaticano, F. Sacra Congregazione degli affari ecclesiastici straordinari. Rapporti delle Sessioni, Anno 1867, Sessione 387, v. XXVII, fasc. 7.

⁹ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1867, оп. 469, д. 139, л. 169–170, 280–281; ф. Канцелярия, 1872, оп. 470, д. 23, л. 105–106.

как Империи, так и Царства Польского должны были отправляться в Рим через пребывавшего в Петербурге могилевского архиепископа-митрополита. Новый порядок касался просьб архиепископа, митрополита и епархиальных епископов об их каноническом утверждении папой или о получении от Св. Престола прав на духовную власть по управлению епархией. Во всех остальных случаях духовенство находилось в зависимости от министерства внутренних дел. По-прежнему сохраняло силу положение о том, что бреве (папские послания) публикуются лишь с согласия правительства.

Указ означал распространение юрисдикции Духовной коллегии на епархии Царства Польского, тогда как до этого существовавшая уже более 60 лет она имела в своем ведении лишь епархии Империи¹⁰. Учрежденная в 1801 г., она состояла из делегатов от существовавших под руководством митрополита епархий. Ее ведению подлежали дела духовные и церковные, которые касались догмата веры и канонических правил и не могли быть предметом разбирательства общих присутственных мест. Реакция Рима на ее появление была однозначной — он не признавал ее существования¹¹, — но до 1867 г. терпел и хранил молчание¹². При таком положении вещей нетрудно было предвидеть, как должны были отнестись в Риме к распространению деятельности Коллегии на Царство Польское¹³.

До весны 1871 г. вопрос о переговорах оставался открытым. Все это время российское правительство придерживалось неизменной позиции: для их начала необходима прямая инициатива со стороны папского правительства. Поэтому были оставлены без последствий предложения о них, сделанные осенью 1870 и зимой 1871 гг. российским дипломатическим представителям в Вене и Риме главой маронитов Юсуф Бей Каримом и отцом Дудиком из ордена бенедиктинцев. Но они привлекли внимание Петербурга к самой проблеме.

Суть сказанного Каримом и Дудиком Капнист подробно изложил в депешах Горчакову от 12 (24) января 1871 г., хотя и не сомневался, что названные лица не имели никакого поручения от Ватикана. Он сообщил также об инсинуациях в отношении переговоров со стороны курии. Наконец, Капнист высказал собственные соображения о возможных переговорах и поставил ряд логически возникавших вопросов: желательна ли инициатива Св. Престола по сближению с Россией; следовало ли бы позаботиться о заполнении вакантных епископских кафедр и тем самым дать толчок начинаниям римского двора; в случае возможной инициативы со стороны последнего предпочтительны ли переговоры по широкому кругу вопросов или ограниченные лишь решением вопроса о назначении епископов? В ответ Александр II дал указание Горчакову: «После того как переговорите с министром внутренних дел, представьте мне Ваше общее мнение»¹⁴.

Об общем мнении не только этих двух министров, но и всех государственных деятелей, которые были причастны к решению проблемы, и о том, как оно вырабатывалось, позволяло судить материал работы специального Секретного католического комитета. Он был создан для углубленного изучения конкретных вопросов: будет ли сближение с Римом отвечать интересам России; не окажется ли оно скорее неуместным, чем выгодным; должны ли будут переговоры касаться всей совокупности отношений с папским правительством или только вопроса о назначении епископов на вакантные кафедры¹⁵.

¹⁰ Там же, 1872, оп. 470, д. 23, л. 17–18, 47; ф. Посольство в Риме, оп. 525, д. 1082, л. 688.

¹¹ Попов А. Н. Последняя судьба папской политики в России. 1845–1867. СПб., 1868, с. 39.

¹² Boudou A. Op. cit., p. 24.

¹³ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1867, оп. 469, д. 139, л. 280–281, 169–170; 1872, оп. 470, д. 23, л. 105–106.

¹⁴ Там же, 1870, оп. 470, д. 38, л. 15–21.

¹⁵ Там же, ф. Отчеты МИД, 1870, оп. 475, л. 207.

В порядке подготовки к его работе Горчаков просил изложить свое мнение по поводу донесений из Вены и Рима наместника Царства Польского Ф. Ф. Берга. Оно свелось (письмо от 6 (18) февраля 1871 г.) к следующему: нужно избегать бесплодных встреч с такими личностями, как Юсуф Карим и аббат Дудик; в данное время не следует назначать епископов на вакантные кафедры, поскольку простые администраторы гораздо более удобны для правительства при нынешнем положении католической Церкви в Польше; примирение со Св. Престолом — впрочем, очень желательное — должно касаться вопроса положения католической Церкви в целом, а не отдельных вопросов или преходящих случаев; единственным местом переговоров, отвечающим интересам и достоинству российского правительства, является Рим. Он признавался, что, хотя до этого ему представлялось «необходимым сохранять нынешний status quo, являющийся modus vivendi единственным возможным столь долго, пока не сочтут уместным сближение со Св. Престолом на официальных путях», теперь он был глубоко убежден, что сближение с римским Двором «со дня на день становится все более необходимым», и видел в нем «единственное средство выйти из тупика, в который наши католические дела были заведены ограниченной и разжигающей страсти политикой крайних средств».

На ведение этих переговоров, полагал Берг, должно быть уполномочено лицо, «во всех деталях знакомое с католическими делами страны, реальными потребностями правительства такими, как они проявляются в каждодневных отношениях с латинским духовенством». Он напоминал, что «до настоящего времени таланты и умение всех наших ведущих переговоры в Риме, даже наиболее выдающихся, никогда не приводили к полностью удовлетворительным результатам, и это потому, что у них совершенно отсутствовал местный опыт»¹⁶. Однако эти общие соображения Горчаков не считал достаточными.

В ответ на его просьбу сообщить сведения о положении католической Церкви в Царстве Польском и изложить собственную точку зрения по всему комплексу проблем, с этим связанных, Берг переслал министру датированную 2 (14) апреля обширную секретную записку (свыше 50 листов, т.е. 100 страниц). При этом он признался, что разделял соображения, оценки и выводы ее автора — А. С. Муханова, заведующего Управлением духовными делами иностранных исповеданий в Царстве Польском.

Его анализ взаимоотношений латинского духовенства и администрации носил весьма нелицеприятный характер для последней. Напомнив, что предоставленная ей власть в различных областях государственного управления в Царстве Польском

¹⁶ Там же, ф. Канцелярия, 1870, оп. 470, д. 38, л. 22–23. Ознакомленный с этим письмом Берга Капнист, которому решили поручить ведение переговоров, поделился с Горчаковым (донесение от 2 (14) марта 1871 г.) своими соображениями по этому поводу. Он признавал наличие давнего «антагонизма между нашей внутренней администрацией и органами нашего правительства при папском Дворе. Полного согласия почти не существовало между этими двумя составными частями самого правительства. Всех усилий представителей России, уполномоченных вести переговоры с Римом, оказывалось, как правило, недостаточно, чтобы безоговорочно удовлетворить министерство внутренних дел, которое лишь неохотно терпело, так сказать, достигнутые результаты». Муханов был в некоторой степени согласен с тем, когда это приписывали неосведомленности российских представителей в Риме относительно подлинного положения дел и влиянию, оказывавшемуся на их сознание продолжительным пребыванием в Вечном городе. Но он считал необходимым также учитывать возможную неосведомленность внутренней администрации относительно многих практических сторон обстановки, в которой оказываются в Риме российские представители. И все-таки главное для него заключалось не в этом. «Подлинная причина этого отсутствия согласия и единства между администрацией и дипломатией (в Риме она должна быть лишь ее органом), мне кажется, — писал он, — должна быть приписана не столько личностям, сколько существенной разнице в точках зрения, создающей подлинную пропасть между императорским правительством и римской Курией». — Там же, л. 34–38.

сильнее, чем где-либо, Муханов высказывал мнение, что исключительные обстоятельства, оправдывавшие здесь расширение ее прав, требовали, с другой стороны, от ее представителей особой осмотрительности в пользовании ими. Ибо «применение на практике основных положений, решение частных случаев, даже разнообразные приемы в действиях правительственных органов обуславливают в значительной степени общее состояние целого края. Можно сказать, — писал он, — что в этом смысле ежедневные мелочи нередко важнее коренных преобразований, судьба коих весьма часто зависит от личных воззрений исполнителей. В Царстве Польском эти личные воззрения, естественно, должны были по всем вопросам принять характер преимущественно политический, который вполне проявляется и по отношению к латинской Церкви». Муханов подчеркивал, что после образования здесь в 1867 г. отдельного Управления иностранных исповеданий в этом отношении наметился определенный сдвиг, хотя первое время еще сохранялись прежние привычки: представители администрации «в преувеличенном сознании своей политической задачи» предъявляли католическому духовенству почти неограниченные требования.

Что же касается духовенства, то оно не желало мириться с положением, возникшим после реформ 1864—1865 гг.¹⁷, так что предоставленное ими светской власти влияние в делах католического исповедания воспринималось высшими сановниками Царства Польского «неуместным вмешательством в их права». Поэтому вполне обоснованные распоряжения вызывали полемику, сопровождавшуюся ссылками на канонические препятствия даже в отношении мер, которые не могли дать никакого повода к сомнению.

Убедившись в пагубных последствиях подобных отношений, Муханов видел свою задачу в тщательном разграничении взаимных прав и обязанностей. Решить ее ему помогли разъяснения, беседы с начальниками губерний и епархий и выработка принципов, обеспечивших необходимое единство в их действиях, в результате чего отношения администрации с латинским духовенством приняли удовлетворительный характер. Администрация постепенно отказалась от вмешательства в чисто религиозные вопросы, а разрешение сомнительных случаев представляла компетентному учреждению. Принцип уважения всякой власти, даже духовной, не считается больше «несовместимым с интересами правительства и с достоинством русского чиновника»; не всегда справедливый поиск политических черт в каждом действии ксендза уступил место «более трезвой оценке».

Со своей стороны духовенство убедилось в невозможности никаких отступлений от реформ 1864—1865 гг. и стало подчиняться распоряжениям местных властей. Далекий от мысли о преданности ксендзов правительству Муханов был убежден, что у них не было и вражды к нему¹⁸.

¹⁷ После восстания в соответствии с указом от 27 октября (8 ноября) 1864 г. было упразднено 75 монастырей. Их число, предусмотренное каноническими регламентами и буллой Бенедикта XIV от 2 мая 1744 г., якобы было превышено на эту цифру. На деле речь шла о монастырях, принимавших участие в восстании или оказавшихся «особенно вредными» в политическом отношении. Имущество упраздненных монастырей было секуляризовано, доходы пошли на поддержание оставшихся обителей, благотворительные цели и народное просвещение. Были перераспределены доходы приходских священников, положен конец ситуации, когда в отличие от высшего духовенства большинство священников жило в нищете. Были смещены с епископских кафедр прелаты, замеченные в незаконных действиях и враждебном поведении. В Западных губерниях местные власти для усиления православия в ущерб латинства прибегли к упразднению католических церквей и приходов, чего прежде не предпринималось даже после восстания 1830—1831 гг. — Там же, ф. Ватикан, оп. 890, д. 1, л. 13—14.

¹⁸ Там же, ф. Канцелярия, 1870, оп. 470, д. 38, л. 43—49; ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 825, л. 2—6.

Размышления в связи с последними реформами привели Муханова к выводу о необходимости государству, до избрания системы в отношении иноверческой Церкви, точно определить свои права. Он находил, что эти реформы представляли «целый ряд благотворительных мер, соответствовавших времени и высшим государственным интересам». Ими были передача в казну духовных имуществ, лучшее и более уравнилельное обеспечение приходских ксендзов, усиление правительственного влияния на церковные дела, изъятие учебной и благотворительной части из ведения духовенства и др. При строгом применении и развитии этих начал правительство будет ограждено от неудобств, связанных с прежним положением дел.

Задача государства в отношении иноверной Церкви представлялась ему так. Оно ее признает в своих пределах только на точно определенных условиях, предоставляет ей такие права, «без которых немислимо ее существование и которые не противоречат его собственным интересам». Не вмешиваясь в духовную сферу, правительство во всем остальном «должно руководствоваться только общими пользами страны, не обращающая внимания на так называемые канонические препятствия»¹⁹.

Обратившись затем к религиозной жизни польского населения и духовенства после реформ последних лет, автор делит всех их на две группы, выражающие крайние направления, находя незначительным умеренное меньшинство. Низшие слои общества были малоразвиты в силу тяжелых условий, в которые были поставлены по отношению к крупным землевладельцам, мелкой шляхте и духовенству. Истинное религиозное чувство в народе не развивалось, его внимание было сосредоточено на обрядности: соблюдении праздничных дней, частом посещении духовника, исправной уплате десятины и других сборов ксендзам, участии в процессиях и т.д. К тому же школа в основном находилась в руках духовенства. Полагая невозможным ожидать быстрого изменения в этом отношении, Муханов отмечал некоторые явления, позволявшие надеяться «на более здоровое развитие народа», ибо при сохранении прежней привязанности к Церкви форма ее выражения несколько изменяется, «постепенно очищается».

Крестьянин реже уплачивает ксендзу десятину, но охотнее несет расходы на починку приходского храма. Он не боится работать в праздник или пропустить срок исповеди, но очень дорожит тем, чтобы правительство не оставляло приход без священника. О папе масса населения имеет смутное понятие, как и о догматических вопросах, напротив, к епископам относится с уважением и принимает близко к сердцу все, что их касается.

Иначе обстоит дело с так называемой аристократической частью общества, в большинстве принадлежащей к ультрамонтанской «партии». Ее характеризует тяготение к Западной Европе, интерес ко всему происходящему там, в том числе к богословским спорам и судьбам папской власти. Горячая привязанность высшего польского общества к католицизму объяснялась тем, что оно «еще не излечилось от политических мечтаний», а также «постепенной утратой прочих национальных особенностей, что заставляет еще более дорожить верою, которая поддерживает надежду на желанную будущность».

Сказанное о населении, по мнению Муханова, с точностью было применимо и к духовенству. Большинство ксендзов выходит из низших классов и отличается теми же недостатками. Это отсутствие надлежащего образования, увлечение лишь формой, удовлетворение личных интересов, к тому же довольно часто дурная нравственность. Они зависели от тех, кто раздавал бенефиции, и от епископов, чем объяснялись ультрамонтанские настроения наиболее образованных, честолюбивых ксендзов, которые только при поддержке аристократии и своих духовных начальников могли дойти до

¹⁹ Там же, ф. Канцелярия, 1870, оп. 470, д. 38, л. 49–54; ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 825, л. 6–9.

высших ступеней церковной иерархии. Изменения в эту ситуацию внесли реформы последних лет. Приходские ксендзы стали более обеспеченными и могут рассчитывать на защиту правительства от притеснений епископа и бывшего патрона, а посему необходимость сближения с Россией становится все очевиднее в глазах наиболее развитых членов латинского духовенства

Представителей высшего духовенства, отмечает Муханов, довольно часто отличает многостороннее образование, твердые убеждения. Вышедшие из рядов аристократии епископы привержены учению о верховных правах Церкви и прерогативах папского Престола. Дорожа саном, они противятся попыткам правительства ограничить его значение. К тому же за ними пристально наблюдают местные аристократы, высшие сановники Церкви и представители польской эмиграции, обладающие немалым влиянием в Ватикане. В такой ситуации, не имея возможности согласовать две присяги — императору и папе, — епископ предпочитает оставаться верным своей Церкви.

Исходя из особенностей позиции населения в отношении религии, задачу правительства Муханов видел в том, чтобы, добиваясь улучшения воспитания народа в основном посредством начальных училищ, обеспечить его ксендзами действительно просвещенными, добросовестно исполняющими свои духовные обязанности. Епископов же следовало избирать не из сторонников аристократии и церковного абсолютизма, а из наиболее образованных духовных лиц умеренного направления, предоставив им возможность спокойно исполнять обязанности и не создавать таких излишних затруднений, разрешить которые можно лишь в нарушение одной из данных ими присяг.

Положение монахов Муханов находил «самым печальным». Кое-кто из них подвержен религиозной экзальтации. За редким исключением иноки отличаются «только своим невежеством, пороками и грубостью нравов». Епархиальные начальники, не видя возможности справиться с этим злом, стараются скрывать растление среди монашества. Бессильны и действия администрации по возрождению латинского иночества, так как она может лишь заменить одних настоятелей другими или переводить «наиболее вредных монахов» в другие обители²⁰.

В восприятии российским обществом цели государства по отношению к латинской церкви Муханов выделял три варианта: разобшение полонизма и католицизма, т.е. по существу отказ католической Церкви от солидарности с польскими патриотами; создание национальной Церкви, а иногда и то, и другое одновременно. Прояснение первого варианта он связывал с ответом на вопрос: «На кого падала ответственность за поведение польского духовенства в 60-х годах, и какая черта преобладала в его действиях: католическая или национальная?». Он разделял мнение как тех, кто широкий масштаб мятежа приписывал подстрекательствам Ватикана и огромному влиянию Церкви на местное население, так и тех, кто это объяснял ослаблением в духовенстве истинно католического консервативного учения, блюстителем которого неизменно был Ватикан. Ведь хотя формально римский двор и осуждал участие духовенства в восстании, но косвенно содействовал поддержанию мятежного духа в Польше, благословляя поляков на борьбу за освобождение католической Церкви от гнета иноверного правительства. Это отличало и высшее духовенство: в большинстве своем епископы видели распушенность своих подчиненных и всегда отрицали свою солидарность с их национальными «мечтаниями», но, несмотря на это, решительно вступили в ряды оппозиции по вопросу о прерогативах Церкви. Главная роль в беспорядках принадлежала революционерам демократического направления, к которым вскоре пристали ксендзы.

²⁰ Там же, ф. Канцелярия, 1870, оп. 470, д. 38, л. 54—65; ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 825, л. 9—16.

Учитывая эти обстоятельства и нежелание курии удовлетворять национальные требования в церковной сфере, для успешного достижения разобщения полонизма и католицизма необходимо было полнейшее подчинение местного духовенства «строгости иерархического устройства и влиянию Рима, который всегда старается противодействовать индивидуальным стремлениям посредством общего понятия о всемирном латинстве». Именно это, вероятно, имели в виду, полагал Муханов, когда в числе мер, способных обновить католическую Церковь, советовали призывать ксендзов и епископов из-за границы, но не поляков. Теоретически подобная идея, по его мнению, представлялась вполне убедительной, но от применения ее на практике трудно ожидать удовлетворительного результата, пока в своих отношениях к России Св. Престол «будет руководствоваться происками польской эмиграции и подчиняться внешнему давлению иных политических врагов России».

Идея же учреждения в Империи национальной католической Церкви, которая «сохранила бы только в основных догматах единение с Римом, будучи совершенно от него независима во всех прочих отношениях», предполагала «в местном духовенстве и народе перевес национального сознания над общекатолическими принципами». В этом случае существовала опасность, что при преобладании поляков среди последователей римского исповедания в России национальная Церковь неизбежно примет исключительно польский характер и сделается могущественным орудием в руках патриотов. Было очевидно, что такой результат не мог устроить защитников национальной Церкви.

Извлекая рациональное зерно из обеих точек зрения, автор записки видел возможность следующим образом согласовать оба эти мнения: «России нужна католическая Церковь, сохраняющая основные догматы латинского исповедания, но действующая в полном согласии с общими интересами государства»²¹.

На естественно возникавший вопрос, в какой степени и какими способами можно выполнить подобную программу, обратившись к истории латинской Церкви, им дают отрицательный ответ об учреждении национальной Церкви по инициативе как мирян, так и низшего духовенства, а тем более епископата. Таким же был ответ и на предположение об устройстве государственной Церкви посредством петербургской Духовной коллегии после подчинения ей в 1867 г. епархий Царства Польского и значительного расширения ее власти, в результате чего произошло усиление ее персонального состава заседателями от польской епархии. Представлялось невозможным ее преобразование и в будущем в высшее духовное учреждение латинской Церкви. Ведь в России не только не было сановника, могущего взять на себя инициативу какой-либо духовной реформы, но никто из епархиальных начальников не сочувствовал мерам правительства, направленным на ослабление связей с Римом. Светская же власть не пользовалась авторитетом в делах Церкви.

В случае предоставления Коллегии определенных духовных прав под вопросом оказывалось их осуществление, так как с трудностями столкнулись уже при избрании в нее заседателей в 1868 г., когда она почти их не имела. И если тогда в ответ на требование епископов об утверждении ее Ватиканом можно было сослаться на то, что папа не возражал против ее учреждения, это стало невозможным после заявлений римского престола, осуждавших само ее существование, а духовенство обязывавших под угрозой церковного наказания не признавать над собой ее власть.

Свой общий вывод он сформулировал так: «Духовная коллегия с широкими правами легко может быть вредна и опасна для правительства; лишенная значения, как

²¹ Там же, ф. Канцелярия, 1870, оп. 470, д. 38, л. 68–71; ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 825, л. 19–22.

теперь, она совершенно бесполезна, а потому составляет ненужный орган в общем государственном строе»²².

Независимо от последующей судьбы Коллегии Муханов видел основание для соглашения с Римом в острой необходимости решения вопроса о замещении епископских кафедр. Поскольку к этому времени в Царстве Польском был один епархиальный епископ и один епископ-суффраган (оба преклонного возраста), то в ближайшем будущем все епархии окажутся в управлении администраторов, т.е. возникнет совершенно ненормальное положение. Причем выход из него могло создать лишь соглашение общего характера по этому вопросу, а не по каждому частному случаю.

В качестве устройства, которое обеспечивало бы интересы государства и согласовывалось с основными законами Церкви, он предлагал воспользоваться одной из многообразных форм, встречающихся в ее организации в силу различия местных национальных или политических условий. Таким требованием, по его мнению, более всего отвечало бы назначение латинского митрополита для всего государства с такой широкой юрисдикцией, каковая первоначально принадлежала иерархам, облеченным этим саном. Муханов ссылаясь на существование такого типа отношений у Рима с восточными Церквями, в частности маронитской²³. Сходно с ней устройство Церкви мелхитов, подчиненной антиохийскому патриарху, а также яковитов — в Алеппо, халдеев — в Вавилоне и др. Он напомнил об исключении из правил и среди католиков Европы в Зальцбурге, Закау, Леванте и Гурке. Настаивая на таком же устройстве католической Церкви у себя в стране, российское правительство, таким образом, вовсе не ставило бы вопрос о нововведении и не противоречило бы каноническому закону.

Вопрос о прямых сношениях духовенства с Римом, которому всегда придавалось обеими сторонами особое значение, Муханов предлагал разрешить путем предоставления такого права одному митрополиту как главе латинской Церкви в России. Обнародование же или приведение в исполнение папских булл должно по-прежнему находиться под строгим контролем правительства. В ходе переговоров важно оговорить в числе прав митрополита созыв поместных соборов или так называемых провинциальных синодов для решения внутренних дел Церкви. Диктовалось это тем, что «принадлежащем, неуклонном воспитании духовенства в правительственном смысле Провинциальные Синоды могут со временем сделаться тем весьма законным органом, посредством которого будет выражаться, развиваться и проводиться в делах церковных известное стремление латинского духовенства к сохранению только высшего догматического единения с Римом».

Муханов особо подчеркивал, что на переговорах с Римом недопустимо обсуждение уже проведенных реформ. Самому же соглашению он не придавал особого значения. Он считал его нужным «лишь в той степени, насколько нельзя без него обойтись», и не заблуждался относительно скорого проявления благодетельных последствий даже от достижения столь желательного сближения. Для него было очевидно, что решение латинского вопроса в России требовало долгих усилий и не зависело от реформ только по духовному ведомству; «законы гражданские, народное воспитание, меры финансовые, административные распоряжения, — наконец, и политические обстоятельства, — все это имеет бесспорное влияние на будущность католицизма

²² Там же, ф. Канцелярия, 1870, оп. 470, д. 38, л. 77–89; ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 825, л. 25–34.

²³ Ее патриарх, избираемый епископами и утверждаемый папой, имеет почти неограниченные права: сам выбирает, посвящает и вводит в должность архиепископов и епископов, не нуждаясь для этого в согласии Ватикана. О его самостоятельности свидетельствует то, что ему не требуется специальных папских полномочий и при его утверждении никогда из Рима их ему не посылают, ибо его права определены, раз и навсегда, в 1742 г. органическим бреве Бенедикта XIV по поводу Ливанского Собора.

в наших пределах; лишь при долговременном, совокупном действии всех этих условий в известном направлении наступит время, когда последователи латинской Церкви от мирян до высшего духовного сановника, — писал в заключение Муханов, — сделаются истинно полезными членами общего Русского государства и верными защитниками его прав и достоинства»²⁴.

Переписка Горчакова с Капнистом, Бергом и записка Муханова составили специальное досье, с которым члены Секретного католического комитета были ознакомлены до заседания. А на самом заседании — с записками, представленными министерствами иностранных и внутренних дел.

В состав Комитета входили А. М. Горчаков, Ф. Ф. Берг, министр внутренних дел А. Е. Тимашев, обер-прокурор Святейшего Синода и министр народного просвещения Д. А. Толстой, П. А. Валуев (министр внутренних дел в 1861–1868 гг.), член Государственного совета и управляющий II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии С. Н. Урусов, шеф жандармов и начальник III отделения той же канцелярии П. А. Шувалов, главный начальник такой же канцелярии по делам Царства Польского Д. Н. Набоков, а также П. А. Капнист и А. С. Муханов.

Заседание Комитета состоялось 29 апреля (10 мая) 1871 г. у Горчакова под его председательством. Ход обсуждения был зафиксирован в журнале, представленном затем Александру II.

В записке министерства иностранных дел подлежавшие решению вопросы об отношениях с римским двором были сведены к четырем пунктам. В первом давалась основанная на долгом опыте характеристика курии. Это отсутствие добросовестности, неизменность притязаний, которые «возрастают по мере достижения уступок и не допускают примирения», так что «всякое делаемое ей предложение внушает ей мысль, что в ней имеют нужду и побуждает ее к большей требовательности».

При этом существующее положение дел было сочтено более затруднительным для римского двора, чем для российского правительства. Ему оно предоставляет полную свободу действий, между тем как стесняет влияние курии на католическую Церковь в Польше и России, затрудняя назначение новых епископов, а следовательно, и священников, что было чревато приостановкой церковной жизни. Тогда Св. Престол окажется перед необходимостью «либо прибегнуть к мерам насильственным, как, например, объявить Империю и Царство [Польское] в положении Миссии — или самому изыскать средства к соглашению, которые мы могли бы обсудить с полной свободой».

В первом случае открытую войну с римским двором находили не более вредной для российской стороны, «чем скрытая, неизлечимая враждебность, им нам оказываемая», поскольку, «таким образом, наши руки были бы развязаны для всяких мер, которые мы признали бы удобными принять». А убедившись в этом, курия скорее всего отказалась бы от такой крайности и предпочла бы вступить на путь переговоров. Для авторов записки не подлежало сомнению, что во втором случае она изыщет средства избежать кризиса с помощью каких-то практических мер, отвечавших настоятельным нуждам католической Церкви в Империи и Царстве Польском, либо сделает предложения, которые могут быть приняты.

С учетом этих соображений ставился вопрос, «выгоднее ли нам просто сохранить настоящее положение дел, подчиняясь весьма могущим произойти последствиям и предоставляя Римскому Двору, если он признает это удобным, возбудить переговоры в видах соглашения?».

Вместе с тем признавалось, что существующее положение дел порождало серьезные «неудобства и достойные сожаления злоупотребления» и могло привести

²⁴ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1870, оп. 470, д. 38, л. 89–96; ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 825, л. 35–41.

к столкновениям, которые неблагоприятно повлияли бы на религиозные чувства католического населения Империи или на его отношение к правительству. Такая ситуация давала римскому двору предлог для обвинения правительства в систематическом преследовании католицизма, вовсе не входившем в его намерения, и для восстановления этим против него общественного мнения всего католического мира.

Между тем император стремился уважать духовные интересы российских подданных католического исповедания наравне с интересами других исповеданий, считая, что «вера служит нравственным ручательством и необходимою преградой против успеха противообщественных учений». Это побуждало его действовать вопреки заблуждениям и недобросовестности противников, т.е. улучшать положение дел и предупреждать опасные кризисы и переубеждать противников или приглашать их к заключению соглашения.

Подчеркивалось, что такой образ действия не только «соответствовал бы требованиям совести», но и представил бы политику России в подлинном свете, не позволял бы ее истолковывать ложно. Удалось бы открыть «глаза здравомыслящей части общественного мнения как в Царстве [Польском], так и в католической Европе». В случае успеха возникла бы возможность создания лучшего положения, а «при неудаче мы, не ухудшая вещественного положения, сложили бы с себя нравственную ответственность».

В этой связи ставился второй вопрос: «Следует ли воспользоваться кажущимся расположением Римского Двора, выраженным в последнее время косвенным образом, чтобы восстановить с ним переговоры в видах сближения?». В таком случае, учитывая неудобства и опасность существующего положения дел, важность устранения причин религиозных и политических затруднений из-за отсутствия соглашения с римским двором, возникала необходимость разорвать, насколько возможно, связь, установившуюся между религией и политикой под влиянием польских стремлений. А также соединить «интересы католической Церкви и духовенства с началами нравственного и общественного порядка, дабы приобрести содействие правительственной власти против революции». Достижение этой цели представлялось невозможным без предоставления католическому духовенству и Церкви «в области совести и в отправлении религиозных обязанностей такого удовлетворения и таких ручательств, которые могли бы обеспечить их духовную независимость и вещественную безопасность, устранить всякую законную жалобу». И тогда «посредством выгоды и признательности привязать их к поддержанию того порядка, который доставил им эти преимущества».

Отсюда третий вопрос: «Следует ли начать с Римским Двором полные и основательные переговоры, прямо выставить те коренные несогласия, которые между нами существуют, и изыскать разрешение их в полном пересмотре нынешнего порядка вещей, покинув прежний путь, приведший нас к настоящему безысходному положению и почерпнув из нашей собственной истории или из примера западных не католических государств условия для удовлетворительных и прочных отношений между нами и Римским Двором?».

Предполагалось, что в таком случае было бы необходимо рассмотреть предложение Муханова об учреждении для католической Церкви Польши и России должности митрополита, облеченного широкой властью и возможно большею независимостью, что, по всей очевидности, трудно согласовалось с властолюбивыми стремлениями римского престола.

Поскольку прошлый опыт оставлял мало надежды на «истинное и искреннее соглашение», то нельзя было исключить, что взамен уступок римский двор, как всегда, выступит с новыми притязаниями, а в такой ситуации серьезные переговоры не только не улучшили бы отношений с Ватиканом, но привели бы к новым разногласиям. Посему возникал следующий вопрос: «Предпочтительнее ли ограничиться

изысканием таких отношений, которые, не затрагивая самой сущности положения и избегая раздражительных вопросов, сделали бы настоящее положение сносным для обеих сторон посредством устранения обнаружившихся уже препятствий временными мерами, удовлетворяющими самые настоятельные потребности настоящего?».

В таком случае считалось необходимым рассмотреть весь комплекс практических мер и способов действия, предложенных в донесениях Капниста. Они сводились к тому, чтобы по возвращении в Рим начать переговоры по вопросам, по которым соглашение возможно (например, с назначения епископов на некоторые вакантные кафедры), а затем при удобном случае расширить область обсуждаемых проблем. Можно было бы предварительно уведомить об этом помощника папского государственного секретаря Марино Марини, который склонил бы к этому папу и Антонелли, а во избежание возникновения затруднений мог ограничиться упоминанием лишь тех вакантных кафедр, которые не возбудили бы вопрос о пределах епархий. Если же этот вопрос встанет, он, Муханов, постарается ограничиться изложением общих положений, не затрагивая того, что уже совершилось, содержащим мысль о временных полномочиях для епархий, присоединенных к другим²⁵.

При возбуждении вопроса о епископской юрисдикции нужно было бы избежать его обсуждения в целом, ограничившись определением пределов власти Духовной коллегии «как посредствующего учреждения для отправления текущих дел и для папских разрешений».

Касательно прямых отношений между католиками и папой следовало решить, «можно ли в качестве средства для переговоров указать римскому двору на возможность уступок его желанию взамен той склонности к соглашению, которая была бы им доказана на деле». Следовало бы также обсудить, в каких пределах и каким способом могли быть сделаны эти уступки. Посредством ли изъятия из общего закона вопросов, касающихся совести, или такого изменения существующего законодательства, которое позволило бы прямые сношения при оставлении за Духовной коллегией ведения специальных дел и при сохранении существующих ограничений относительно публикации и исполнения папских распоряжений²⁶.

Этот документ, безусловно, свидетельствовал о твердой настроенности на переговоры, тщательной к ним подготовке, готовности к уступкам, одним словом, о серьезном намерении дипломатического ведомства сдвинуть с мертвой точки трудную проблему отношений со Св. Престолом.

В подготовленной для совещания записке Тимашева на обсуждение Комитета выносился, по существу, один вопрос: «Должно ли воспользоваться настоящим положением Папского Престола и некоторыми признаками стремления его к сближению с нами для того, чтобы вступить в соглашение с ним вообще о положении римско-католической Церкви или же, по крайней мере, касательно каких-либо вопросов, как, например, назначения епископов, и где в таком случае вести подлежащие переговоры?»

Собственный отрицательный ответ относительно возможности общего соглашения, даже если бы первый шаг к нему был сделан Св. Престолом, министр мотивировал такими аргументами. Во-первых, для него не подлежало сомнению, что при

²⁵ Канонически разграничение епархий могло быть установлено и изменено лишь с согласия Св. Престола. В Империи и Царстве Польском оно было произведено конкордатом 1847 г. и санкционировано буллой «*Universalis Ecclesia*» («Вселенская церковь»). Но после отмены конкордата произошли три изменения в этом разграничении. Каменец-подольская епархия была объединена с житомирской, подляская — с люблинской и минская — с виленской соответственно указами от 7 (17) июня 1866 г., 10 (22) мая 1867, 15 (27) июля 1869 г. Эти изменения не были признаны Св. Престолом ни в качестве совершившегося факта, ни канонически.

²⁶ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1872, оп. 470, д. 23, л. 74–80.

известном недоброжелательстве Пия IX к России «всякая попытка к соглашению с Римским Престолом касательно католических дел в России вообще должна будет остаться без успеха». Во-вторых, кроме постоянного стремления римского престола к преобладанию и распространению католической Церкви, что несовместимо с положением и значением в России православной Церкви, он указывал на существовавшую в то время особо серьезную трудность. «Одно из главных и существенных препятствий к сближению с Римом, устраняющим возможность общего соглашения нашего правительства с Римским Престолом, — писал он, — составляет вопрос об объединении Царства [Польского] и Империи». Римский двор по-прежнему полагает, что, «защищая полонизм, он вместе с тем защищает и интересы католической у нас Церкви», а потому Тимашев полагал, что ее укоренению содействовало отчасти само российское правительство «отождествлением польской национальности с римско-католической Церковью». Особенно ощутимо это проявилось в двух вопросах: о Духовной коллегии и о деполонизации католической Церкви в Западных областях России посредством замены в дополнительном богослужении польского языка русским. Министр напоминал, что, пока Коллегия существовала исключительно для Империи, папское правительство игнорировало наличие этого учреждения, но вместе с тем не заявляло «о несогласии его с каноническими установлениями римско-католической Церкви и не побуждало наших епископов противодействовать оному». Но с подчинением Коллегии духовенства Царства Польского ситуация изменилась: «Не только епископы Царства [Польского], но и наши епархиальные начальники, повинувшись указаниям Рима, стали в совершенно враждебные к сему учреждению отношения».

Не подлежало сомнению, что в этом случае Рим действовал под влиянием польской «партии», которая воспользовалась преданным гласности правительством намерением обратить ее «посредством расширения ее круга деятельности в орудие к присвоению римско-католической у нас Церкви большей самостоятельности и автономии».

Тем не менее меры правительства принесли определенные результаты: несмотря на систематическое противодействие, были не только введены в состав Коллегии представители от епархий Царства Польского, но мало-помалу и сам круг ее деятельности фактически расширялся, а Рим, по-видимому, вновь стал игнорировать это учреждение.

Процесс разъединения национального польского и католического элемента введением русского языка и замены им польского в костелах Западного края, подчеркивал Тимашев, вызвал особое противодействие со стороны местного духовенства. В этом его поддерживает польская эмиграция, и «тайными путями», т.е. через нее же, папское правительство «побуждает духовенство наше противиться этой мере». В такой ситуации правительство было вынуждено решительно пресекать противодействие со стороны некоторых духовных лиц, распространявших ложные толки об этой мере и даже употреблявших свою власть против нее. Одновременно исподволь оно влияло на сочувствующих лиц из среды духовенства и, таким образом, подготавливало «мало-помалу приведение оной к желаемому результату».

Из приведенных данных, заключал Тимашев, очевидно, чего можно было бы ожидать от переговоров с Римом об общем соглашении по делам римско-католической Церкви в России. К ним наряду с вопросом о введении русского языка в дополнительное богослужение он присовокупил несколько других, а именно: перемещение архиепископской кафедры из Могилева в Петербург, упразднение варшавской архиепархии и подчинение епархий Царства Польского петербургской Духовной коллегии, от которых пришлось бы, возможно, вовсе отказаться уже при начале переговоров. Поэтому он находил «желательным не вступать в какие-либо общие с Римом переговоры, доколе не будут по оным достигнуты положительные результаты, и самые вопросы не обратятся в совершившиеся факты».

Министр не разделял мнение тех, кто думал, что положение римского престола в данное время представляет «благоприятное для переговоров с ним обстоятельство, долженствующее побудить его к некоторой уступчивости». Он считал, что переговоры об общем соглашении следовало отложить, пока, с одной стороны, некоторые из принятых правительством мер не станут совершившимся фактом и укажут Риму «на необходимость отрешиться от упоминавшейся мысли принимать на себя защиту польских интересов и от притязаний, не совместных с интересами России». А с другой стороны, «пока не выяснится положение римско-католической Церкви на Западе вследствие вызванных Ватиканским Собором вопросов и пререканий», особенно в связи с объявлением непогрешимости папы догматом католической Церкви.

Находя для России не своевременными переговоры об общем соглашении, Тимашев признавал его существенную пользу для Рима: «Для поддержания папской власти и организма римско-католической Церкви в видах сей власти, для доставления силы и жизнненности римско-католической у нас Церкви». При существующем же положении дел, при устранении непосредственного и постоянного влияния папы на него, организм этой Церкви в России «пришел в сем смысле в упадок». В качестве свидетельства этого он ссыался на положение монашеских орденов, упадок монастырей и постепенное их исчезновение, закрытие нескольких епархий, упразднение костелов и каплиц там, где таковые, не составляя существенной потребности католического населения, служили только орудием пропаганды. «Все это, очевидно, сделалось бы невозможным, если бы состоялось какое-либо общее с Римом соглашение и правительство наше, не доведя всех мер сего рода до окончательного исполнения, было бы поставлено в необходимость отречься от оных», — считал министр.

Совершенно иначе представлялась ему ситуация (с точки зрения «только удовлетворения действительных потребностей наших католиков»), если оставить в стороне польский вопрос и властолюбивые стремления римского престола. Тогда на вопрос, «в какой мере и для чего собственно было бы нам необходимо соглашение с Римом, должно отвечать, что назначение епископов есть единственная религиозная потребность наших католиков, которая не может быть удовлетворена без непосредственного содействия папы. Только епископы могут рукополагать священников».

Для Тимашева курия гораздо больше была заинтересована в решении епископского вопроса в условиях увеличения в последнее время числа вакантных кафедр и в Империи, и в Царстве Польском. Ведь российскую сторону вполне устраивало управление этими кафедрами администратором или так называемым капитулярным викарием, избранным капитулом епархии на основании канонического права. Он не обязательно должен быть епископом, для него не требуется папского утверждения, между тем как находящиеся в той же епархии епископы-суффраганы могут осуществлять рукоположение священников и другие епископские священнодействия. Поэтому если «для Рима важно и желательно назначение епископов епархиальных», то для Петербурга «совершенно достаточно, а в некоторых случаях даже предпочтительно» назначение лишь епископов-суффраганов с оставлением управления епархиями в руках избранных капитулом и утвержденных правительством администраторов.

Переходя от таких теоретических рассуждений к состоянию вопроса о епископах, министр должен был признать, что, учитывая имеющихся в наличии епископов, в настоящее время рукоположение священников уже очень затруднено из-за их малого числа как в Империи, так и в Царстве Польском. В пяти епархиях Империи имелось всего четыре епископа (один епархиальный епископ, два епископа-суффрагана, управляющих епархиями в качестве капитулярных викариев, и один епископ-суффраган). В Царстве же Польском в семи епархиях было только два епископа (один епархиальный и один епископ-суффраган, управлявший епархией в качестве

капитулярного викария). Две епархии в Империи и пять епархий в Царстве Польском управлялись капитулярными викариями, не имевшими епископского сана.

При таком положении дел, признавал министр, было бы весьма желательно заключить соглашение с Римом о назначении по крайней мере епископов, и желательно, чтобы ими оказались люди, «представляющие некоторую гарантию в отношении к своему направлению и не вселяющие опасения своим ультрамонтанством или полонизмом», а особенно на некоторых из управляющих ныне епархиями и на прелатов не поляков.

Относительно вопросов, которые, как предполагал Капнист, мог поставить Св. Престол, министр заметил следующее. В вопросе же о разграничении епархий не следовало ни вступать в переговоры, ни идти на уступки. Упразднение трех епархий со времени отмены конкордата надо считать свершившимся фактом. Обойти рассмотрение этого вопроса было тем проще, что не шло речи о назначении в них епископов по той причине, что одна из них управлялась епископом, а епископы двух других были сосланы. Следовало избегать всяких переговоров и о Коллегии.

Тимашев соглашался с выводом Капниста о желательности устранить из обсуждения вопрос о свободе сношений епископов с Римом. Он пояснил, что при рассмотрении этой проблемы в 1867 г. его министерство высказывалось положительно по данному поводу, но после указа от 10 (22) мая 1867 г. «едва ли было бы удобно входить в какие-либо переговоры об изменении сего порядка, даже если бы оно состояло только в исключении для вопросов совести». К тому же, несмотря на запрет, невозможно воспрепятствовать тайным сношениям²⁷.

Итак, по существу для Тимашева переговоры должны были ограничиться решением вопроса о назначении епископов.

В ходе заседания Комитета серьезные расхождения точек зрения двух министерств не были преодолены, а, напротив, обозначились еще резче. При знакомстве с материалами работы Комитета обращает на себя внимание разница не только в позиции по обсуждавшимся проблемам, но и в самом настрое министров. Тимашев пребывал в пессимизме, не сомневаясь, «что полное соглашение с Римским Двором невозможно, как бы ни было оно желательно», по причине уже «хорошо известных недобросовестности и притязательности Римского Двора». Переговоры не должны затрагивать общие вопросы, следует ограничиться назначением епископов. «Нынешнее время самое неблагоприятное для возбуждения общих вопросов. Во всей Европе происходит брожение умов в области католицизма по поводу решений Ватиканского Собора и еще вовсе не известно, какие будут окончательные последствия этого брожения». В этой ситуации он опасался «связать себе руки соглашением с Римом, которое, быть может, противоречило бы разрешению римско-католического вопроса в остальных государствах Европы»²⁸.

В прошлом он видел доказательство того, что духовенство вело всю массу католиков по пути революционному и крайне враждебному правительству, «несмотря на то что в то время все кафедры были заняты епископами; следовательно, нельзя надеяться, чтобы соглашение с Римом предохранило бы нас от этого вредного направления римско-католического населения». «Для нас выгоднее и вполне возможно, — полагал он, — ожидать более удобного времени для соглашения, а между тем Коллегия и вся принятая система войдут в надлежащее развитие и упрочатся; для достижения желаемого результата от новой системы недостаточно трех или четырех лет; впрочем, и теперь уже круг действий Коллегии значительно расширился». Считая полезными лишь переговоры о назначении новых епископов, он опасался, что римский двор за согласие

²⁷ Там же, л. 88–103.

²⁸ Там же, д. 108, л. 11–14.

на это «поставит какие-либо условия, потому что в таком случае будет невозможно рассчитывать на успешное окончание дела»²⁹.

Ссылаясь на обычные правила и образ действий римской курии, Тимашев причину трудностей видел в невозможности с нею «сражаться равным оружием или рассчитывать на взаимную искренность». Рим, отмечал он, «продолжает употреблять свое влияние против нас и делает из римско-католической Церкви в Империи враждебное правительству политическое орудие. Г. Капнист сказал, что Рим извлечет даже выгоду из упадка у нас этой Церкви, но, конечно, нельзя назвать подобного расчета нравственным и добросовестным, а при отсутствии добросовестности невозможно допускать прямых сношений епископов с Римом. При всем уважении ко всякой Вере невозможно видеть лишь Веру там, где она превращается в политическую интригу. Рим не обращал никакого внимания на нашу Духовную коллегию в течение 60-ти лет, а восстал против нее, как только Коллегия коснулась церковных дел Царства Польского»³⁰.

Позицию, изложенную в записке министра внутренних дел, разделял Толстой, находивший, что «настоящее время крайне неудобно для полного соглашения с Римом», и считавший возможным ограничиться лишь соглашением о назначении епископов на некоторые вакантные кафедры. С ним был не согласен Горчаков, не увидевший в этой записке «столь решительного заключения»³¹.

Панин солидаризовался с позицией министерства иностранных дел. Полагая, что никто не думал о вступлении в «полные и широкие» переговоры с Римом, он не видел тем не менее основания заранее слишком стеснять круг возможных объяснений. Не очень доверяя курии, он советовал не забывать «о наличии весьма многочисленного римско-католического населения и о заинтересованности в том, чтобы оно было надежно и покойно». При нынешнем же положении в России католической Церкви «трудно на это с уверенностью рассчитывать, а потому, не покидая главных начал, требуемых государственными соображениями, должно стараться достигнуть соглашения с Римом».

Полемизируя с Тимашевым по поводу того, что вовсе не следует начинать переговоров, Панин замечал: «Начинать их нам, конечно, не следует, но на деле они уже начаты, и начаты не нами, и было бы неблагоприятно и крайне вредно отвергать их продолжение». Он был против того, чтобы ограничиться лишь назначением епископов. Панин находил невозможным довольствоваться нынешним положением и ждать улучшения лишь от хода времени. «Если мы можем не опасаться революционного движения со стороны католического населения, то, — полагал он, — этого недовольно: правительству нужно иметь это население на своей стороне при всяком возможном критическом случае, при всякой опасности внутренней или внешней»³².

Валуев решительно не соглашался с основными положениями записки Тимашева, кроме того, что переговоры не должны касаться самого существования Духовной коллегии (она «есть и должна остаться») и с недопущением ограничения прав русского правительства в определении границ католических епархий. Обосновывая отрицательный ответ на вопрос, можно ли быть довольными нынешним положением дел и считать успешными все меры, принятые относительно католической Церкви, Валуев заявил: «Конечно, нет. Это положение тягостнее и невыгоднее для нас самих, чем для Рима, который отнюдь не стесняется в своих планах и расчетах соображениями чисто нравственного свойства. Можно смело сказать, что во всем мире нет

²⁹ Там же, л. 14–16.

³⁰ Там же, л. 25.

³¹ Там же, л. 11-а.

³² Там же, л. 12, 15.

государства, в котором римско-католическая Церковь находилась бы в таких условиях, как у нас. Принятая у нас система, с направлением которой он никогда не соглашался, — совершенно не согласна с самым свойством и духом нынешнего царствования, эта система рано или поздно должна пасть. Соглашения с Римским Двором должно достигнуть не во внимание к Риму, а в видах нашей собственной неизменной потребности, в интересах будущей судьбы и самой истории России. Много говорено о вреде смешения католической религии с политикою, с полонизмом. Но разве наша система устранила, разве она может устранить или предупредить это вредное смешение? Ни закрытие церквей и монастырей, ни строгие насильственные меры против католиков и их духовенства, ни упразднение целых епархий — не имели никаких благоприятных последствий. Непростительно упорствовать в таком направлении, которое не может не быть признано ошибочным»³³.

Валуев высказался за переговоры с Римом, не избегая расширения их программы и не уклоняясь от обсуждения каких-либо ее частей, считая, что для достижения успеха лучше всего опираться на то, что предложено в четвертом пункте записки министерства иностранных дел. К этому он заметил, что «способности и благоразумие г. Капниста служат ручательством в том, что этот достойный чиновник сумеет вести это важное дело с надлежащим успехом, если только он не будет стеснен излишними ограничениями»³⁴.

Набоков в принципе разделял мнение Валуева относительно того, чего желательно достичь на переговорах, но не проявлял особого оптимизма. Исходя из данных переписки Горчакова с Капнистом, он понимал, что при переговорах с римским двором не только трудно рассчитывать на какой-либо успех, но даже и на возможность их вести. Вместе с тем для него было очевидно, что, «вступив в переговоры и выказав уклончивость от полных и искренних объяснений, мы, быть может, только увеличим свои затруднения и ухудшим положение дела. Как ни прискорбно нынешнее состояние у нас римско-католического вопроса, но вряд ли пока представляется на деле возможность удобным образом изменить его». Переговоры следовало вначале ограничить решением вопроса о назначении нескольких епископов, разрешение же Капнисту продолжить их «сделать предметом нового последующего совещания»³⁵.

С мнением Валуева во многом совпадала и точка зрения Муханова. Не берясь судить о характере и объеме переговоров в Риме, но считая себя вправе говорить о состоянии римско-католической Церкви в Царстве Польском и о том, в какой степени возможно сохранить в отношении нее нынешнюю систему действий, он находил принятые в последнее время меры весьма неудачными. Он не мог согласиться с содержащимся в записке министерства внутренних дел утверждением, что в течение 60 лет Римский Двор как бы не знал о существовании Коллегии и лишь в 1869 г. ополчился против этого учреждения только потому, что круг действий Коллегии коснулся римско-католической Церкви в Царстве Польском. Он напомнил, что это случилось не вдруг, а в ответ на то, что в 1867 г. Коллегия получила право прямых сношений с Римом и в 1868 г. были вызваны в Коллегию депутаты из епархий. Это «конечно, совершенно изменило самую сущность этого учреждения, а вместе с тем изменило и взгляд на нее римского двора, который встревожился опасением, чтобы Коллегия как бы не оторвала от Рима римско-католическую Церковь в Империи и Царстве [Польском]: вот причина враждебных действий Рима относительно Коллегии. Первым последствием этой перемены была утрата нескольких епископов не только нам

³³ Там же, л. 16–17.

³⁴ Там же, л. 17–18.

³⁵ Там же, л. 18–19.

не враждебных, но бывших истинно полезными³⁶. Для нас важно не одно отсутствие во многих епархиях епископов; без них можно было бы еще действительно обойтись в продолжение нескольких лет; при том же, если бы мы и успели получить от Рима новых епископов, то при нынешнем круге действий и направлении Коллегии эти епископы в свою очередь были бы сосланы, или должны бы вступить в открытую вражду с папским Престолом. Вследствие этого переговоры, ограниченные лишь назначением епископов, не были бы исходом из нынешнего прискорбного положения»³⁷. Кроме того, он не сомневался, что, по какой бы строго ограниченной программе ни были бы начаты переговоры, неизбежно предметом обсуждения сделаются те общие начала, которых так опасаются. И в этой связи замечал: «Вряд ли и было бы совместно с достоинством нашего правительства уклониться от подобного полного обсуждения».

Назначение римско-католического митрополита не казалась Муханову единственным средством и условием решения вопроса. Он обращал внимание на тягостное в высшей степени и мрачное настроение католического населения, склоняющегося к мысли, что российское правительство вовсе не желает соглашения с папой и даже хочет совершенно упразднить римско-католическую Церковь в своих владениях. Дальнейшее распространение этих опасений могло иметь серьезные последствия. Чтобы их избежать, нужно не только добиться назначения новых епископов, но и «утвердить у нас такую духовную власть, которая имела бы достаточно полномочий. Это, — полагал Муханов, — не замедлило бы успокоить и примирить добросовестных католиков, но, конечно, для этого необходимо было бы изменить и всю систему. Кажется, что даже не в виде уступок требованиям Римского Двора, а во внимание к собственным пользам государственным правительство могло бы само отступить от многих мер, оказавшихся уже на опыте положительно вредными. Во всяком случае, следовало бы вступить в переговоры по общей обширной программе».

Муханов не соглашался с предложением в случае ограничения переговоров лишь вопросом о назначении новых епископов вовсе не упоминать о епархиях, епископы которых были сосланы. Он полагал, что вопрос о них не следовало обходить — напротив, его нужно каким-то образом решить. Особенно это относилось к назначению епископа в Варшаву³⁸.

По данному поводу Горчаков заметил, что не видит такой возможности, если изгнанные епископы сами не сложат с себя сан³⁹. Дело в том, что без этого за ними продолжали оставаться эти кафедры, и о назначении новых епископов не могло идти речи даже чисто формально. Нереальным было и решение вопроса путем помилования сосланных епископов и возвращения их на прежние кафедры, тем более в случае с варшавским епископом.

Панин сослался на мнение министерства внутренних дел о возможности назначения епископов-суффраганов вместо епархиальных епископов, но Капнист не сомневался в отказе римского двора пойти на это. Он дал свое объяснение и резкой реакции Св. Престола на призыв депутатов в Духовную коллегию, заметив, что таковой совпал с отменой конкордата, а потому в Риме «тотчас возродилось опасение, что Коллегия будет обращена в независимый Синод. При всякой попытке подчинить Коллегии епископов, папа, — полагал он, — будет энергически протестовать, да и не может этого не делать, так как подобное подчинение противоречило бы самой основе организации католической Церкви»⁴⁰.

³⁶ Речь идет о епископах, отказавшихся участвовать в работе Коллегии и за то подвергшихся ссылке.

³⁷ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1872, оп. 470, д. 23, л. 19–20.

³⁸ Там же, л. 20–21, 23.

³⁹ Там же, л. 23.

⁴⁰ Там же, л. 23, 25.

Толстой в этой связи напомнил, что прежде римский двор терпел существование Коллегии, хотя и протестовал против нее. Он решительно возражал против каких-либо уступок, поскольку «это будет иметь следствием уступки бесконечные и, наконец, упрочение у нас ультрамонтанизма».

Говоря о проблеме в целом, Капнист признался, что изменил свое мнение о возможности ограничить переговоры решением вопроса о назначении епископов, будучи теперь убежден, что с началом переговоров неизбежно возникнут и другие вопросы. Поэтому он находил необходимым иметь право хотя бы выслушать предложения Курии и сообщить о них правительству для получения указаний. Он был не согласен с утверждением, что если римский двор не захочет назначить новых епископов без принятия российской стороной каких-либо условий, то можно будет ограничиться спокойным выжиданием, так как будто бы для Петербурга «легче и возможнее», чем для Рима, проявить такое терпение. Капнист считал такое мнение ошибочным, полагая, что Рим может как раз выжидать несравненно дольше. Он пояснил: «Наше правительство испытывает затруднения, наши католики подвергаются стеснениям и смущаются; Рим это хорошо видит и знает все в мельчайших подробностях, но находит в том и свою выгоду, хоть далеко недобросовестно. Рим, признающий себя вечным и несокрушимым, может и будет ждать сколько угодно; будет отечески утешать угнетенных католиков и в то же время будет извлекать выгоду из постепенного усиления между ними ультрамонтанского направления и из положения Церкви, гонимой и преследуемой. От подобного положения Рим отступится лишь взамен некоторых положительных условий. Наша нынешняя система окажется немного ранее или позже окончательно невозможной, Рим же будет терпеливо ожидать наступления этого срока. Наша система была бы основательною, если бы имелось в виду или уничтожение у нас римско-католической Церкви, или обращение всех католиков в православие; но это вовсе не составляет цели правительства»⁴¹.

Сознавая необходимость высказать со всею откровенностью свои убеждения, так как он не мог равнодушно видеть положение католической Церкви в Империи и Царстве Польском, Горчаков заявил: «Многие указывают на историю для оправдания существования у нас Коллегии и многих принятых мер, но при этом совершенно упускают из вида ход времени. Можно сомневаться, приняла ли бы императрица Екатерина II ныне многие из тех мер, которые были признаны полезными в ее время. Своею нынешнею системою мы успели восстановить против себя римских католиков всего мира. Мы как бы отреклись от славных преданий своей истории, от свойственной нам терпимости и уважения к свободе совести; мы как бы противоречим основным началам нашего Всемиловейшего Государя»⁴².

Касаясь переговоров в Риме, министр считал, что они «должны непременно быть эластичны», а их программа должна бы предоставить Капнисту возможность говорить о разных вопросах, определенных в самых общих чертах. Редакцию этой программы можно представить на предварительное обсуждение совещания. Он был против ограничения переговоров вопросом о назначении епископов. Говоря о Коллегии, Горчаков считал необходимым изыскать такие условия ее существования и деятельности, которые сделали бы возможным и оправданным ее совместное существование с католическими епископами. Можно было бы, утверждал он, точнее определить отношения Коллегии к епископам и к самому папе. «Не отступая вовсе от неотъемлемых прав и от основных законов Империи, можно было бы, — заявил Горчаков, — допустить прямые сношения епископов с Римом по вопросам совести и догматическим. При таком направлении дела мы удовлетворили бы требованиям справедливости, оградили бы себя

⁴¹ Там же, л. 21–22.

⁴² Там же, л. 23–24.

от неправильных посягательств и, наконец, ограничили бы полонизм». Министр также подчеркнул, что «для него не составляет неперменной цели заключение договора с Римским Двором, но главная в его глазах цель есть соблюдение достоинства и справедливости России в отношении ее подданных римско-католического исповедания, избавление ее от упреков в нетерпимости. Если бы переговоры не привели к успешному исходу вследствие неумеренных и преувеличенных притязаний Римского Двора, то мы и в этом случае приобрели бы важные нравственные выгоды и внутри Империи, и за границею». В отношении уступок Горчаков делал следующую оговорку: «Нашим уступкам должна быть поставлена заранее строго определенная граница, а нарушение закона должно быть преследуемо и караемо»⁴³.

Сказанное Горчаковым о нравственных выгодах полностью поддержал Валуев, заявив, что не верит искренности и добросовестности римского двора, а потому не высоко ценит прочность договора с ним. По его словам, «главная забота должна быть о нас самих, о нашей собственной справедливости, о нашем достоинстве. Смело можно сказать, что три четверти принятых нами относительно католической Церкви мер насильственны и в то же время преимущественно направлены не против Римского Двора, а против католических подданных Государя Императора». Затронутая Горчаковым проблема допущения прямых сношений с Римом вызвала сомнения Урусова — удобно ли поднимать перед императором вопрос, по которому он уже высказался⁴⁴.

В ответ Горчаков высказал предположение, «что это было бы совершенно удобно и своевременно, так как прошло уже более трех лет и ныне к прочим соображениям присоединились указания опыта. Сверх того, не в мыслях Государя Императора стеснить круг соображений совещания по столь важному предмету; принять же или отвергнуть эти соображения будет зависеть от Высочайшего усмотрения»⁴⁵. Министр явно располагал дополнительными данными о настрое Александра II в этом отношении.

Четко прояснила еще раз расстановку сил попытка Горчакова в конце заседания выяснить мнение собравшихся о круге переговоров, о рассмотрении кроме вопроса о назначении епископов «более или менее обширных объяснений с Римским Двором». Он считал, что, поручая такие объяснения Капнисту, следовало ему дать материал для них, одновременно обозначив их пределы, ибо иначе было бы трудно надеяться на достижение соглашения даже в отношении назначения епископов.

Толстой откликнулся репликой: «В таком случае Рим засыплет нас своими притязаниями и требованиями». Урусов уклончиво заметил, что «в особенности желательно достигнуть лишь назначения епископов». Его слова парировал Валуев: «Это вопрос второстепенный и лишь частность».

С ним был не согласен Тимашев. По его мнению, назначение епископов «должно служить испытанием и случаем для Рима доказать нам свою добрую волю, доказательством же доброго расположения с нашей стороны будет служить самая готовность наша вступить в переговоры».

На последовавшее затем его заявление, что «невозможно заранее обещать допущения прямых сношений епископов с Римом», Горчаков напомнил, что «при допущении прямых сношений предмет их и пределы были бы строго определены законом», и повторил, что Капнисту «необходимо предоставить какие-либо основания для обмена мыслей».

Включившись в полемику, Капнист высказал убеждение, что «при допущении прямых сношений, применение карательной системы за отступление от закона было

⁴³ Там же, л. 24–25.

⁴⁴ Там же, л. 26–27.

⁴⁵ Там же, л. 27.

бы достаточным ручательством». Вслед за ним Муханов напомнил, что «запрещение прямых сношений с Римом представляет еще и то неудобство, что вследствие его явилось множество различных агентов для производства агентов тайных». Это затем подтвердил Капнист, сообщив, что «ни с одною страной в мире римский двор не имеет столь частых и деятельных сношений, как с Польшей»⁴⁶.

Общее заключение Комитета сводилось к следующему. Признавались неудовлетворительными как положение католической Церкви, так и отношения с римским двором, которые «заставляют желать изменения и улучшения». Поскольку со стороны этого Двора уже было заявлено желание заключить соглашение и тот уже принял на себя инициативу предварительного обмена мнениями, считалось возможным поручить Капнисту пойти на доверительные объяснения в Риме. В ходе них он мог заявить о готовности вступить в переговоры о замещении некоторых вакантных кафедр и выслушать предложения папской стороны для установления более удовлетворительных отношений, а затем довести о них до сведения министерства иностранных дел. Это заключение 5 (17) мая было одобрено императором⁴⁷.

Итак, в ходе заседания обнаружились глубокие разногласия среди его участников в оценке положения католической Церкви в России, характера и состояния отношений с римским двором, в возможности достижения соглашения с Римом, решения стоявшего на повестке дня вопроса, следовало ли начать и какой характер придать переговорам с папским правительством. Они отражали и еще раз подтвердили наличие серьезных расхождений между министерствами внутренних и иностранных дел и в целом между консервативным и вполне умеренным направлением, которое отличала довольно трезвая, взвешенная оценка сложившейся ситуации.

Библиография

Попов А. Н. Последняя судьба папской политики в России. 1845—1867. СПб., 1868.

Boudou A. Le Saint Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au XIX siècle, t. I—II. Paris, 1922.

References

Popov A. N. The Last Stage of the Papal Politics in Russia. 1845—1867. Saint-Petersburg, 1868. (In Russ.)

Boudou A. Le Saint Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au XIX siècle, t. I—II. Paris, 1922.

⁴⁶ Там же, л. 27—29.

⁴⁷ Там же, ф. Канцелярия, 1870, оп. 470, д. 38, л. 228—229.